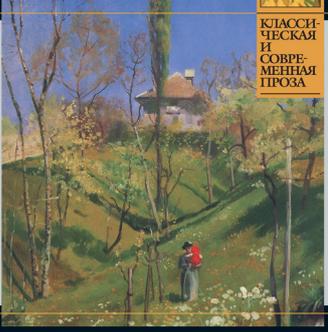

КЛАС-
СИ-
ЧЕСКАЯ
И
СОВРЕ-
МЕННАЯ
ПРОЗА

Юрий

ВЯЗЕМСКИЙ

Цветущий холм
среди пустого поля

сборник

*Цветущий холм
среди пустого поля*

Юрий Павлович Вяземский

Цветущий холм среди пустого поля (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=429892

Юрий Вяземский. Цветущий холм среди пустого поля (сборник): Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-065363-8, 978-5-271-26874-8

Аннотация

Проза Юрия Вяземского необычна. Она поражает прежде всего особой тонкостью авторского мировосприятия, глубиной и точностью в постижении внутреннего мира человека.

В состав этого сборника вошли такие известные произведения автора, как «Рассказ», «Цветущий холм среди пустого поля», «Письмо Ивану Карамазову» и другие.

Содержание

Рассказ	4
Так, например, полностью оборвалась связь с Тиролем	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрий Вяземский

Цветущий холм среди пустого поля

Рассказ

Была суббота. Белесое, набухшее небо за ночь опустилось к земле, налегло на город, придавив крыши домов и тяжело провиснув над рекой. Дождь вперемежку со снегом ударил по тротуарам, а ветер с залива, ворвавшийся в узкий коридор между небом и землей, взвихрил эту колючую взвешенную жижу, все перемешал и все перепутал, так что уже непонятно было, откуда хлещет, метет и давит на город, сверху ли, снизу.

Что-то случилось с Геннадием в это утро. Едва проснувшись, еще лежа в постели, он вдруг ощутил в себе непонятный прилив сил, какое-то радостное беспокойство. Торопливо совершив утренний туалет, наскоро позавтракав, Геннадий надел пальто и выбежал на улицу; едва ли он мог объяснить, куда и зачем он так торопился.

Едва ли он понимал также, почему, оказавшись в дожде-снеговороте, он не застегнул пальто на все пуговицы, не укутал горло шарфом, подобно другим пешеходам, а напротив – расправил плечи, сдвинул шапку на затылок и решительно зашагал по набережной в сторону залива.

«Черт подери! Здорово я сегодня поработаю!» – подумал Геннадий, радостно улыбнулся и зачем-то вслух повторил то, о чем подумал.

Геннадий считал себя писателем, имея, впрочем, к этому некоторые основания. Несмотря на то, что по образованию он был инженером-судостроителем, несмотря на то, что пять дней в неделю с девяти утра и до шести вечера проводил не за пишущей машинкой, а за кульманом в конструкторском бюро, все же с двадцати четырех лет он довольно регулярно сочинительствовавал по вечерам и выходным и за шесть лет написал два десятка рассказов и несколько повестей среднего объема. Из созданного Геннадием пока были опубликованы лишь три рассказа в малотиражных и плохочитаемых журналах, в то время как большинство его произведений, что называется, ждали своего часа, то есть пылились в шкафу, обрастая ворохом в целом положительных, но в частности отрицательных рецензий, присланных из различных периодических изданий, куда периодически отправлял их неунывающий автор.

В оценках своих рецензии были схожи. Едва ли не во всех из них отмечались «безусловная одаренность» Геннадия, «немалый интерес», который вызывают его сочинения, «парадоксальность» сюжетных композиций, умение играть с читателем и тому подобное. Но это в общем. В частности же, рекомендовалось не торопиться в «проработке характеров», «бороться с условностью персонажей», указывалось на излишнее увлечение автора сюжетной композицией в ущерб жизненной правде или правдивости жизни, на «оригинальничанье», «элементы литературщины», недостаток опыта.

Во многом соглашаясь с рецензентами, Геннадий, однако, не желал признавать несостоятельность своего «парадоксального конструктивизма» – так он определил избранное им литературное направление – и последовательно его придерживался и всесторонне развивал.

Кому она нужна, ваша «жизненность»? – мысленно возражал своим оппонентам Геннадий. Окружающая нас природа, а равно сами мы во всех разнообразнейших и тончайших проявлениях натур настолько жизненно, исчерпывающе и мастерски изображены в мировой литературе, что и места живого не осталось для нас, начинающих продолжателей. К тому же современный читатель настолько обременен всей этой жизненностью, развращен и опустошен ею, что надобно пожалеть его в конце-то концов! Зачем ему узнаваемость, когда он, бедняга, доузнавался уже до чертиков. Ему не соседа дядю Васю, художественно прорисо-

ванного до последней морщинки на лице и творчески выпотрошенного до камней в почках, подавай, – и так он его уже знает, морщинистого почечника, – а этакого полуэпического героя, непобедимого, жизнеутверждающего, с которым в повседневной, мирной, невоенной обстановке, может случиться, никогда не встретишься; дерзостного мыслителя, опрокидывающего традиционное мировосприятие; да хоть дьявола или демона! – вот что нужно нынешнему читателю, вот что способно хотя бы ненадолго выдернуть его из-под бесцветного, всю тяжестью своей давящего на него неба.

Так считал Геннадий, и выдергивал, и выволакивал, и даже сам стиль работы своей с каждым годом все более приспособлял к изобретенному «направлению»: раньше, садясь за стол, нередко, кроме первого абзаца, ничего не имел за душой, не подозревая, куда его этот абзац выведет, не только плана, но даже идеи основной не разработав, а теперь около трех четвертей своего творческого времени затрачивал на предварительное обдумывание сюжета, на подбор нетипичных персонажей, на конструирование интриги. Часами в любое время года и любую погоду бродил по улицам, самосозерцаясь, исхитряясь и остранныясь, потом возвращался домой, садился за стол, раскладывал перед собой листы бумаги, брал ножницы и комбинировал, раскидывал, монтировал... (Любимым писателем Геннадия был Маркес, любимым настолько, что Геннадий даже выучил испанский язык, чтобы читать его в подлиннике. Но об этом – в скобках.)

В этот ненастный ноябрьский день Геннадию предстояло дойти по набережной до самой Гавани и оттуда пешком вернуться домой, а по дороге мысленно «смонтировать» среднюю часть новой повести; композиционно она получалась очень сложной, повествование должно было в ней вестись сразу от трех лиц – «я», «он», «мы», – а действию следовало развиваться не однонаправленно, а одновременно в двух встречных направлениях к кульминационной, все объясняющей точке – из прошлого в будущее и наоборот.

Сделать предстояло немало, а времени было только до обеда: обедать Геннадий обещал у своей невесты, Натальи, а после они должны были отправиться в магазин для новобрачных.

В тридцать лет Геннадий еще не был женат. Друзья и знакомые Геннадия, в большинстве своем люди с супружескими обязанностями, уже отнесли его к категории неисправимых холостяков и оставили попытки вырвать его из этого вольнодумного, несколько завидного для них образа и способа жизни, периодически подсовывая ему самые разнообразные приманки различных возрастов, темпераментов и расцветок волос. Но тут Геннадий сам натолкнулся вдруг на никем не подсунутую и неумышленную Наталью, миловидную, достаточно образованную и редкостно покладистую двадцатичетырехлетнюю девушку. И все спланировалось и смонтировалось как бы само собой, незаметно, ровно и естественно. И уже заявление в загс было подано, и до свадьбы оставалось менее месяца.

Геннадий дорожил своей невестой, ежедневно либо виделся с ней, либо подолгу беседовал по телефону, часто думал о ней, представлял ее рядом с собой, а у изголовья постели прикинул к обоям Натальину фотографию.

– Черт подери! Поработаю сейчас хорошенько, а потом с чистой совестью буду наслаждаться жизнью! С Натальей! Целых три дня не видел человека! – вслух повторил Геннадий, точно возгласом этим хотел выразить пренебрежение к непогоде.

Привычно сосредоточившись, уйдя в глубь себя и в этой глубине как бы разложив листки с эскизами эпизодов, Геннадий начал работать. Но то ли состояние у него было слишком возбужденное, то ли сглазил он себе работу неосторожным обещанием, но прошел он уже изрядно, миновал несколько мостов и по последнему из них перед заливом перешел уже через реку на сторону Гавани, а не только ничего нового не изобрел, но даже изобретенное не сумел «замонтировать», лишь промок, продрог и промерз.

Однако ни холод, ни упрямая непродуктивность фантазии не испортили ему настроения, не омрачили его странной радости.

Геннадий едва успел удивиться себе, как сразу же явилась мысль, шальная какая-то, ибо не только с тем, над чем размышлял, но и ни с чем окружающим не связанная:

«А ну все к черту! Хочу написать о Наталье! О Наталье и обо мне! Сейчас сяду в автобус, вернусь домой и напишу рассказ о нас с Натальей!»

Мысль эта так властно прозвучала в Геннадии, что он тут же повернул обратно и, уже когда сел в автобус, вдруг засомневался:

«А что я, спрашивается, могу написать о нас с Натальей? Кому это будет интересно?..»

Но сомнения его длились лишь мгновение, так как тут же нахлынуло прежнее, радостное:

«Как было все – так и напишешь!.. Для *себя* напишешь! *Тебе* это интересно!.. Ну и все!»

Пока ехал до своей остановки, пока от остановки добирался до дому, пока переодевался, Геннадий уже уяснил себе, с чего начнет и как приблизительно продолжит, а потому тут же сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги, взял ручку. Замешкался было с названием, но потом радостно усмехнулся и вверху листа написал размашисто: «О нас с Натальей».

Ни кульминации, ни концовки рассказа он пока не придумал, но тут же понял, как надо начать, тем более что это начало – их с Натальей начало – точно само вдруг попросилось на бумагу.

«И как это я его до сих пор никуда не вставил?» – удивился Геннадий и легко и быстро начал писать, ничего сознательно не прибавляя, не приукрашивая, лишь опуская второстепенные детали.

О том, как летом, живя на даче, он, Геннадий, из мальчишеского озорства, до сих пор в нем не перебродившего, а пуще – от долгого сидения за письменным столом, гонялся на спортивном велосипеде за автобусами: «садился на хвост» на железнодорожной станции и преследовал до конечной остановки, и там переводил дух после пятикилометровой гонки. О том, как однажды, когда Геннадий обогнал автобус, к нему вдруг подбежала незнакомая симпатичная девушка и принялась отчитывать его за то, что он к ней «привязался».

Как оказалось, она ехала в том автобусе, который преследовал Геннадий, а пассажиры решили, что велосипедист, устремившийся вслед за автобусом, – ее кавалер, который таким небезопасным образом завоевывает Натальино расположение. Сначала над ней подсмеивались и подшучивали, но потом, когда автобус, выехав на прямую дорогу, набрал скорость, испугались за жизнь влюбленного велосипедиста и стали требовать от Натальи, чтобы она вышла к нему на следующей остановке. Наталья, разумеется, отказалась подчиниться такому требованию, и тогда за нее принялись уже всерьез и даже грозили силой высадить из автобуса.

Такой была их первая встреча. Легко и быстро написав ее, Геннадий пошел было дальше, но тут заметил, что Наталья, проговорив свой гневный монолог, «безутешно рыдалась», в то время как в действительности никаких рыданий не было – незаметно разговорились, незаметно познакомились.

«Ну к чему ей рыдать? И тем более – безутешно!» – усмехнулся Геннадий и вычеркнул рыдания.

Дальше мало что было описывать – традиционные формы знакомства двух разнополых существ: совместные походы в кино на вечерний сеанс, совместные прогулки по вечерним дачным аллеям, поцелуи в кино и на аллеях, обмен адресами и телефонами перед отъездом в город, а в городе те же самые, только уже городские кинотеатры и аллеи, да еще театры, рестораны, вечеринки у знакомых. Можно было, конечно, придумать здесь этакое нетрадиционное, сюжетно закрученное и чувственно заостренное, но поскольку ничего подобного в

их с Натальей жизни не было, то Геннадий преодолел этот месячный период их знакомства в два абзаца и тут же перешел к собору с маятником...

До этого, кроме совместных развлечений и редких поцелуев, ничто их не связывает. Геннадий встречается с Натальей, как раньше встречался с десятком других девушек и женщин. И вдруг ни с того ни с сего...

...кидается к телефону, не застаёт Наталью дома и, выведав у ее родителей, что она проводит с иностранными гостями экскурсию по городу, выбегает на улицу, хватает такси и начинает искать ее повсюду, не отдавая себе отчета в том, что делает, не понимая всей нелепости такого рода поисков в городе с четырехмиллионным населением, а чувствуя лишь, что если он в самое ближайшее время не увидит ее, не услышит ее голос, не обнимет ее, то... И что может тогда случиться с ним, он тоже не знает, но страшится этого и поэтому гоняет таксиста от одной музейной достопримечательности к другой, а потом летит к собору с маятником, упрямо решив, что уж к этому собору и к этому маятнику она обязательно придет со своими туристами, не может не прийти!

Знаменитый маятник, огороженный бархатными канатцами от разноязыкой толпы, наводнившей собор, то приливающей, то отливающей в массивные чугунные двери-ворота, отчужденно скользит над мраморным полом, градус за градусом отмечая вращение Земли и всего, что есть на ней, кроме него самого, неподвижного в своей подвижности; а он, Геннадий, стоит у колонны и ждет – час, два, три часа, – с каждой минутой все больше понимая безысходность своего ожидания – ну откуда ты взял, что она должна сюда прийти? Что она уже не побывала здесь раньше?! А вдруг она вообще не зайдет в собор, покажет его своим иностранцам из автобуса и поедет дальше – мало ли у нас соборов и дворцов? Да кто она такая, чтобы так ждать ее?! Откуда это безумство влюбленного десятиклассника в тебе, тридцатилетнем мужчине?! Что с тобой, вообще-то говоря, происходит, черт тебя подери?! Но чем яснее понимает, тем упрямее и нетерпеливее ждет ее появления, до рези в глазах и боли в затылке всматривается в лица, вслушивается в голоса до галлюцинаций, так что чудится ему ее смех, так что все экскурсоводы вокруг Геннадия вдруг начинают говорить ее голосом и с ее американским акцентом; а убедившись в том, что обознался, еще злее ненавидит себя и ее главным образом.

Да как она может?! Неужели она не чувствует, что я жду ее?! Я с ума сойду, если она не придет?! Если она не придет, я не знаю, что с ней сделаю! Клянусь, что все между нами будет кончено! – а потом не выдерживает, кидается в толпу, продирается сквозь нее к выходу, выбегает из собора, бежит через площадь, смеясь над собой и чуть не плача от обиды, но снова возвращается, садится на ступени перед входом и снова ждет...

Описав эту сцену, Геннадий поставил отточие и с абзаца завершил: «Она так и не пришла к маятнику, отсчитывающему Земные Повороты, а я понял, что нечаянно для себя, но теперь уже на всю жизнь полюбил, что, как это ни странно, я *должен* был влюбиться в нее именно сегодня. И именно поэтому она *должна* была не прийти».

Едва поставив точку, Геннадий подумал:

«А почему, собственно, должна была не прийти? Ведь она же пришла».

Дальше он не успел подумать, так как в коридоре зазвенел телефон. Звонила Наталья. Она напомнила Геннадию о том, чтобы он не забыл приглашительные билеты – пропуска в магазин для новобрачных, и попросила не опаздывать к обеду. Геннадий – все еще в соборе и возле маятника – рассеянно поддакивал и торопливо соглашался и уже готов был повесить трубку, как вдруг неожиданно для себя предложил:

– Натуль, а нельзя все это отложить до понедельника?

– Что отложить?.. Почему? – удивилась Наталья.

– Понимаешь, мне очень надо сегодня поработать. Давай перенесем, а?

– Геночка, но ведь мы же договорились... И мама с папой ждут тебя...

– Ну не могу я сегодня, неужели непонятно! – вдруг рассердился Геннадий.

Впрочем, он тут же спохватился, тут же самым ласковым образом стал извиняться и объяснять невесте, что пишет сейчас рассказ, что никак не может оторваться, а в качестве решающего аргумента привел:

– Наталкин, небо мое, ведь я же о нас с тобой пишу рассказ! Так и назвал его – «О нас с Натальей»... Как тебе, кстати, название?

Наталье название понравилось, и она, хоть и огорченно, согласилась перенести семейный обед на следующую субботу, а поход в магазин для новобрачных – на понедельник; помимо того, что она была покладистой девушкой, она еще с подчеркнутым уважением относилась к писательским трудам своего будущего мужа.

Повесив трубку, Геннадий поспешно вернулся в комнату, сел за стол и подумал с непонятным облегчением:

«Да Бог с ней в конце концов! Она *должна* была не прийти!.. А пришла она или не пришла на самом деле – неважно. Я же не объяснительную записку пишу, а рассказ».

Вновь – несколько коротких описательных абзацев, и Геннадий от собора с маятником перенесся к тому, что ждало его впереди... к себе в квартиру... и еще через месяц... и открыл дверь... и впустил к себе Наталью...

...У нее сломался зонтик, и она вымокла под дождем. Она стояла в прихожей и дрожала. Она стояла в луже воды, которая стекала с ее мокрой одежды...

...Он раздел ее и уложил в свою постель...

...Было в ней в эту минуту нечто обезоруживающе-беззащитное, всеильно-беспомощное. Ему стало страшно. Он выпустил ее из объятий и сказал: «Пойди в ванну. Встань под горячий душ и согрейся. А то заболеешь...»

...Когда он вошел в ванную, она стояла под душем спиной к нему и плакала. Он понял, что она плачет, по ее вздрагивавшим плечам. У нее были коротковатые ноги и чуть сутулая спина... У нее были удивительно красивые, длинные волосы. Ему стало стыдно и обидно, что он испугался... Она стояла под душем с распущенными волосами, а он не мог оторвать от нее взгляда... «Не смотри на меня! Уйди ради Бога!.. – сказала она, не оборачиваясь. – Мне неприятно!»

Написав сцену, Геннадий встал из-за стола, вышел на кухню, поставил на огонь чайник и подумал:

«Невозможно! Она не могла стоять под душем с распущенными волосами. Во-первых, это нелепо. А во-вторых, у нее всегда была короткая стрижка. Она стриглась каждый месяц. Она считала, что так она моложе выглядит... А мне всегда хотелось, чтобы у нее были длинные волосы... Чушь какая! – вслед за этим подумал Геннадий. – При чем здесь волосы?!»

Он выключил газ, не дождавшись, пока закипит чайник, вернулся в комнату, стоя перечел написанное, вдруг усмехнулся, взял ручку и зачеркнул крест-накрест последнюю сцену. Потом он сел за стол. Минут пять он сидел не шевелясь, скользя невидящим взглядом по узорам на занавесках. Затем откинулся на спинку стула и снова усмехнулся.

– Ни черта! – вслух сказал Геннадий, взял ручку и сбоку от зачеркнутого провел вертикальную пунктирную линию. Этого ему, однако, показалось мало, и на всех трех страницах, на которых разместилась последняя сцена, рядом с пунктирной линией он приписал крупными буквами – «восстановить» – и поставил восклицательный знак.

– Ни черта! – сердито повторил Геннадий, но вдруг потянулся к исписанным листкам, нашел среди них первую страницу, отыскал на ней имя «Наталья» и зачеркнул его.

«А так?» – спросил он сам себя.

Поверх «Натальи» он сначала написал «Лиля», но «Лилю» зачеркнул почти тут же, брезгливо поморщившись, заменив ее сперва на «Иру», а затем, после двухминутного разглядывания узоров на занавесках, на «Маринку».

– Маринка! А?! – радостно вдруг воскликнул Геннадий. – С Маринкой ведь можно? В конце-то концов?!

И сразу снова стало легко и свободно, и он с жадностью принялся писать дальше. С каждой страницей Натальи, или Маринка, – он теперь называл свою героиню то так, то этак – раскрывалась перед ним все полнее, представала в различных ипостасях своей стремительной, ранимой, свободолюбивой натуры, удивляла его непредсказуемыми своими поступками, пугала невероятными выходками, томила неизвестностью и с ума сводила беззащитной, распахнутой нежностью. С каждой страницей он все больше влюблялся в нее, все больше боялся ее потерять, восторгался и ненавидел, метался и сумасбродствовал: покупал ей среди зимы громадные букеты роз, но выбрасывал; летел к ней на самолете в далекий южный город, но, едва увидев ее, ругался с ней и тут же улетал обратно. С каждой страницей он все больше убеждался в том, что ради такой девушки, как она, можно все отдать и на все решиться, что любые нелепые и сумасбродные на посторонний взгляд поступки на самом деле оказывались если не единственно разумными, то для него, Геннадия (или кто там вместо него, авторского этого «я»), единственно возможными, потому что девушка эта сумасбродна и невозможна сама по себе, потому что нелепо и невозможно не любить ее, потому что жить без нее нелепо! И с каждой страницей она, его героиня, все меньше была похожа на Наталью, хоть и называл он ее иногда этим именем в творческом своем ослеплении.

Он не встал из-за стола до тех пор, пока не закончил рассказ. Он выпил на кухне три чашки черного кофе без сахара, лег в постель и тут же уснул.

Концовка у рассказа получилась неожиданной. До последней минуты Геннадий не подозревал, что придется так закончить. Но иного выхода у Геннадия не было.

На следующий день он выправил рассказ, ничего не меняя в нем по существу, а лишь оттачивая его стилистически и «Наталью» везде, где она еще оставалась, заменяя на «Маринку». Потом до вечера перепечатывал рассказ на машинке.

И когда уже перепечатал и стал вычитывать, только тут заметил, что оставил прежний заголовок – «О нас с Натальей».

«А почему бы нет? – вдруг подумал Геннадий. – „О нас с Натальей“, а героиню зовут Маринкой... Что-то в этом есть!»

Ночью Геннадий долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок, укрощая нетерпеливую свою радость, а на следующий день, в понедельник, после обеда отпросился в библиотеку, а сам отправился в редакцию журнала.

Журнал этот был одним из самых многотиражных и широкочитаемых. Геннадия в нем упрямо не печатали, но всякий раз именно с него Геннадий начинал демонстрацию нового своего сочинения.

Знакомая редакторша встретила его приветливой, слегка виноватой улыбкой.

– Что это? Очередная повесть? Ах нет, рассказ... Ну что же – интересно... Честно говоря, давно не читала у тебя рассказов... Ну ладно, позвони недельки через две...

Едва Геннадий вышел из редакции, радостное его оживление сразу исчезло, а вместо него родилось довольно странное ощущение: некая щемящая растерянность и неясный какой-то страх. Сев в метро и отправившись на другой конец города в магазин для новобрачных, Геннадий невольно принялся анализировать свое состояние, но так и не нашел ему объяснения.

Наталья дожидалась своего жениха у входа в магазин. Геннадий заметил ее еще издали: высокая, стройная, она стояла возле витрины в зимней замшевой куртке с откинутым меховым капюшоном. С ее короткой стрижкой ей трудно было дать больше двадцати лет.

«Господи! Да ведь она просто красотка! – подумал Геннадий и тут же поймал себя на том, что подумал об этом почти с ужасом. И еще тоскливее стало на душе. – Когда-то все это уже было. Очень похожее», – подумал Геннадий, подходя к Наталье и обнимая ее за плечи.

– А как поживает рассказ о нас с тобой? – прижалась к нему Наталья.

– Не знаю, – торопливо чмокнул ее в щеку Геннадий. – Редакторша сказала, чтобы я позвонил недельки через две.

– Ну ты даешь!.. Уже и в редакцию успел отнести!.. Хочешь опубликовать его ко дню нашей свадьбы? – пошутила Наталья.

– Понимаешь, Наталкин, там, правда, о нас с тобой только в первой части, а потом... – бережно отстранив Наталью, принялся оправдываться Геннадий, но вдруг улыбнулся и добавил: – Но ведь настоящее искусство невозможно без творческого вымысла! Главное – не историческая достоверность, а достоверность мировосприятия, правда чувств!

– А какая правда чувств у твоего героя?

– Любовь к героине, разумеется.

– Вот и прекрасно! – воскликнула Наталья и повлекла жениха в магазин.

Настроение у Натальи было влюбленно-деловым. То есть она умудрялась обольщать Геннадия, бросать на него нежные взгляды, незаметно пожимать ему руку, как бы случайно класть ему голову на плечо и одновременно довольно ловко устраивала дела, быстро перемещалась от прилавка к прилавку и из отдела в отдел, делала покупки расчетливо и со вкусом, но как бы мимоходом, словно шутя и играя. Она была очаровательна, и все продавцы и продавщицы, едва она подходила к прилавку, тотчас обращали на нее внимание и оставляли других покупателей.

Склонившись над прилавком, Наталья выбирала обручальные кольца, а Геннадий стоял у нее за спиной, вдыхал аромат ее волос, смешанный с запахом мехового капюшона, смотрел на ее стриженный затылок и думал:

«С длинными волосами она была бы еще очаровательнее... Зачем она стрижется?»

Покончив с кольцами, они отправились покупать Геннадию свадебный костюм.

Геннадий стоял в примерочной кабине, а Наталья порхала между вешалкой и зашторенным от посторонних взглядов женихом, по-хозяйски вторгаясь за занавеску, удивительно ловко, словно всю жизнь только этим занималась, примеряла очередной образец на Геннадии, критически обзревая, высказывая суждение и принимая решение до того, как Геннадий успевал обернуться к зеркалу. Она исчезала, а кабина еще некоторое время жила ее стремительной, радостной жизнью, пахла ее запахами, шуршала ее одеждами. Геннадий же угрюмо созерцал в зеркале свое полураздетое отражение и думал с тоской, почти с отчаянием:

«Ну зачем она такая красивая?! Сегодня-то зачем?!»

Странные были у него мысли, и сам он понимал, что странные они у него, но все придирчивее вглядывался в Наталью, точно стремился обнаружить в ее облике какой-нибудь незаметный на первый взгляд изъян – непропорциональность в телосложении или неправильность в чертах лица, – но, видимо, так и не находил того, что искал, потому как все безысходнее становилось у него на душе.

Они сделали уже почти все покупки, когда Геннадий, схватив Наталью за руку, остановил ее вдруг посреди магазина и довольно бесцеремонно развернул лицом к себе.

– Ты сегодня удивительно красивая! – сообщил он ей.

– Правда? А почему таким тоном? Как будто ты меня за это ненавидишь! – рассмеялась Наталья.

– Мне страшно... Мне страшно, что у меня будет такая красивая жена.

– Ничего не поделаешь, Геночка. У великих писателей должны быть красивые жены, – прильнула к нему Наталья.

Потом они приобрели постельное белье.

Потом Геннадий усадил Наталью с покупками в такси. Расставаясь, они договорились, что ужинать Геннадий придет к Наталье.

Домой Геннадий вернулся в еще большей тоске. Слонялся из угла в угол, потом зачем-то сел на стол, зачем-то достал второй экземпляр рассказа и принялся его перелистывать, машинально, не читая и ни о чем определенном не думая. Но вдруг отшвырнул рукопись, вскочил со стула, вновь прошелся по комнате, испуганно как-то оглядываясь, потом хмыкнул, покачал головой и подумал с облегчением:

«Да вот же оно! Конечно!.. Когда я ждал ее у собора!.. Когда я сидел на ступенях и вдруг увидел Наталью с ее иностранцами... Я уже не надеялся, что она придет... И так же вдруг тоскливо стало... Зачем она тогда пришла? Лучше бы не приходила...»

Геннадий вышел в коридор, подошел к ванной, открыл дверь.

«Какие, к черту, распущенные волосы! – подумал Геннадий, стоя на пороге ванной и улыбаясь, странной, неприятной улыбкой. – Она надела мою купальную шапочку... И ничего я тогда не испугался, и все у нас с ней *было*... Так все естественно и незаметно получилось, что я теперь и не помню... А потом она пошла мыться в душ... Я тогда впервые увидел ее раздетой... Фигура у нее оказалась безукоризненной... И почему-то сразу же закрыл дверь... Почему-то вдруг стало неприятно смотреть на то, как она моется... А потом она была такой радостной, такой заботливой. Она сварила мне кофе... так красиво все накрыла, с таким вкусом – салфеточки, лимончик ровненькими дольками, сырок тоненькими ломтиками... Мы пили кофе и смотрели телевизор... была интересная передача... до сих пор помню... про Испанию, про корриду... А потом мы снова оказались в постели. И снова я ничего не помню... Просто кончилась передача и... И дождя никакого не было...»

Геннадий пошел на кухню, постоял в темноте, не зажигая света, потом задернул занавески, включил лампу.

«Конечно, никуда я за ней не летал. И ни разу с ней не ругался... Любил ходить с ней в компании. Мне нравилось, как на нее смотрят мои друзья... что рядом с Натальей их жены выглядят уродливыми, молодящимися старухами...»

– Спокойно, Наталкин! Никому я тебя не отдам, слышишь?! И пошли они все к черту! – вслух сказал Геннадий.

В коридоре зазвонил телефон.

– Алло! – раздался в трубке женский голос. – Мне вообще-то надо Геннадия.

– Вообще-то Геннадий слушает.

– Гена? Это Виктория Никитична.

– Ой, здравствуйте!.. – Геннадий тут же сменил тон; Викторией Никитичной звали редакторшу, которой он утром отнес свой рассказ. – Вы простите ради Бога, что я...

– Так вот, молодой человек, – перебила его Виктория Никитична. – Прочла я рассказ!

Она сделала паузу, предвкушая вопросы, но Геннадий молчал.

– Значит, мое мнение вас не интересует? Ну понятно. Все вы, молодые писатели, убеждены в своей гениальности.

– Да я просто... – начал было Геннадий, но редакторша снова перебила его:

– Короче, молодой человек: до гениальности пока еще далековато, но рассказ я прочла залпом и тут же отдала его Ивану Яковлевичу, нашему рецензенту. Но и без рецензии могу сказать, что рассказ мы почти наверняка напечатаем... Кстати, есть еще один экземпляр?

– Есть... Есть, конечно.

– Обязательно занеси мне его завтра. Подсуну его читать главному. Уверена, что он ему понравится... Нет, прекрасный ты написал рассказ, Гена! Тонкий, изящный, с совершенно потрясающей концовкой... Честно говоря, не ожидала. Я уже было махнула на тебя рукой... Теперь-то я могу тебе в этом признаться... Нет, правда, здорово!.. А девушка какая получилась сочная! Маринка эта! Сначала она меня немного раздражала, но потом я поняла... Господи, действительно, ради такой изумительной девушки на все можно решиться!.. Сознайся, с натуры писал?

– Да в общем-то...

– Я так и поняла. Сразу чувствуется, что такой характер *придумать* невозможно!.. Да, Гена, чуть не забыла! – спохватилась редакторша. – Почему у тебя такое странное название – «О нас с Натальей»? Какая Наталья?! В рассказе о ней ни слова...

– Это моя невеста... Мою невесту зовут Натальей.

– Невесту?! Послушай, Гена, я очень рада, что у тебя есть невеста и что ее зовут Натальей, но рассказ-то твой здесь при чем? Ведь героиню зовут Маринкой!..

– Все верно, Виктория Никитична, но я вдруг подумал... Понимаете, героиню зовут Маринкой, а рассказ называется «О нас с Натальей»... Что-то в этом есть, вы не находите?

– Ничего в этом нет! Наталья-то здесь при чем?! И вообще, давай с тобой раз и навсегда договоримся – бросай ты всю эту свою прежнюю заумь и начинай серьезно работать. Ведь получается же! И здорово получается! В любом случае этот рассказ я тебе не дам портить! Понял меня?

– Понял...

– Ну хорошо, что понял. А рассказ очень хороший, – повторила Виктория Никитична. – В нем есть как раз то, чего в других вещах у тебя пока не было, – открытие, понимаешь? Художественное открытие!! Короче, жду тебя завтра со вторым экземпляром рассказа и нормальным заголовком...

Закончив разговор с редакторшей, Геннадий вернулся в комнату, взял со стола рассказ, снова машинально перелистал его, потом выдвинул ящик стола и кинул в него рукопись.

«Интересно, что будет, если завтра я приду в редакцию и скажу им, что я не хочу, чтобы они публиковали мой рассказ? – подумал Геннадий, стоя возле открытого ящика. – Виктория решит, наверное, что я сошел с ума или что у меня началась мания величия... Ну и Бог с ней! Завтра приду и заберу у них рассказ!»

Геннадий сел за стол и принялся разглядывать узоры на занавесках. Он сидел не шевелясь, разглядывая узоры на занавесках, пока в коридоре снова не зазвонил телефон.

Это была Наталья.

– Геннадий Евгеньевич, ну разве можно быть таким копушей! – сказала она. – У меня давно все готово. Я уже утку поставила.

– Кто это? – спросил Геннадий.

– Ты что – не узнал меня? – удивилась Наталья.

– Нет, а кто говорит?

– Да хватит валять дурака, Генка! Это я, Наталья!

– Какая Наталья?

– Невеста твоя – вот какая Наталья!

– А Наталья-то здесь при чем?! – вдруг рассмеялся Геннадий.

В трубке стало тихо.

– Ты что – серьезно? – немного погодя спросила Наталья.

– Конечно – несерьезно. Конечно – шучу. Конечно – уже в пальто и через двадцать минут буду, – ответил Геннадий и повесил трубку.

Геннадий вернулся в комнату, побрился, надел выходной костюм, повязал галстук. Когда он протирал лицо лосьоном, взгляд его случайно наткнулся на выдвинутый ящик стола, в котором лежал рассказ. Геннадий шагнул к столу и ногой задвинул ящик.

На набережной Геннадий сел в такси и назвал водителю Натальин адрес.

Сначала они ехали по набережной, потом повернули налево и поехали по бульвару мимо академии. Они попали в «зеленую улицу» и ехали без остановок; красный свет преградил им путь лишь на площади, на которой стоял собор с маятником.

– Товарищ водитель, – вдруг обратился Геннадий к таксисту, – вы очень на меня рассердитесь, если я не поеду дальше и выйду здесь?

– Здесь нельзя выходить, – строго заметил шофер.

– Как раз только здесь и можно выйти, – усмехнулся Геннадий, положил на переднее сиденье деньги, рывком открыл дверь и выскочил из машины.

– Ты что – спятил, олух чертов! – крикнул ему вдогонку таксист.

Геннадий пошел через площадь навстречу собору, темному, полубесформенному, почти невидимому. Прожектора освещали лишь золоченый купол, отторгая его от собора, превращая его в гигантскую люстру-колокол, подвешенную к низкому оледеневшему небу, а ветер с залива, слезивший глаза, словно слегка раскачивал этот гигантский колокол, или эту исполинскую люстру.

Дойдя до собора, Геннадий сел на ступени перед центральным входом. Было в этом поступке нечто нелепо нарочитое, так как ступени были мокрыми и холодными, а ветер в колоннаде собора особенно неистовствовал, но Геннадий то ли не замечал этого, то ли именно к этой нарочитости подсознательно сейчас стремился.

«Да нет, конечно, на самом деле ничего неожиданного, – думал Геннадий, сидя на ступеньках. – Я и раньше замечал... Но мне казалось, что все это из-за того, что наш период влюбленности слишком затянулся... что слишком зрелый я уже человек, чтобы несколько месяцев подряд ходить под ручку, заглядывать в глаза...»

– Какой дурак! – вслух произнес Геннадий.

«Но мне казалось, – продолжал думать он, – что, если я женюсь на ней, все сразу встанет на свои места... Я буду работать, а она будет заниматься хозяйством... родит мне ребенка... Мы будем вместе, нам уже не надо будет часами сидеть друг против друга... Мы уже не станем целоваться только потому, что больше нам нечем занять себя... Нам уже не надо будет каждый вечер изобретать, к кому бы нам поехать в гости, и не пойти ли нам в кино, и на какой фильм... Я понимал, что лучше жены, чем Наталья, я себе все равно не найду... Да и не так уж часто это случалось...»

Съежившись от холода и ветра, Геннадий сидел на ступенях собора и думал. Думал об одном и том же, по несколько раз и почти без вариаций. В конце концов он заметил, что мысли его уже давно попали в некий порочный круг и что этак он до утра просидит.

«А чего я, собственно, жду?!» – сердито подумал Геннадий.

Он вскочил на ноги и сбежал по гранитной лестнице на площадь.

«Я ждал ее. Я с таким напряжением всматривался в площадь, что иногда даже видел, как она идет ко мне навстречу угловатой своей походкой, слегка сутулая, чуть коротконогая, прекрасно-длинноволосая... Она так и не пришла к маятнику, отсчитывающему Земные Повороты, а я понял, что нечаянно для себя, но теперь уже на всю жизнь полюбил ее, что, как это ни странно, я *должен* был влюбиться в нее именно сегодня. И именно поэтому она *должна* была не прийти», – вспомнил Геннадий из своего рассказа.

«А ведь тоже сюжет! – думал Геннадий, идя через площадь. – Один чудак накануне свадьбы пишет рассказ и вдруг понимает... Так тебе и надо! Не будешь писать хороших рассказов накануне свадьбы!»

Геннадий вышел на набережную, остановился на тротуаре и подумал: «Черт! Как назло – ни одного такси! Наталья мне голову оторвет!»

Геннадий усмехнулся и вдруг сказал самому себе, но вслух и громко:

– Наталья?! А Наталья-то здесь при чем?!

Он перебежал через дорогу и быстро пошел вдоль реки в направлении своего дома.

На следующее утро, отметившись на работе в книге приходов и уходов, Геннадий направился в редакцию, неся с собой второй экземпляр рассказа с новым названием.

Был вторник. Небо было настолько голубым, что голубизна его смущала глаз, а все вокруг: земля, деревья, парапет набережной – было укрыто снегом, непривычно белым,

неестественно пухлым, нестерпимо искрящимся. И только река оставалась прежней – угрюмой, холодной, непроницаемо матовой.

На душе у Геннадия было пусто и тихо.

Так, например, полностью оборвалась связь с Тиродем *Рассказ в одиннадцати письмах*

1

3 января

Милый Володя. Я никогда не любил и не умел писать письма. Поэтому не отвечал тебе. Впрочем, не только поэтому. Понимаешь, слишком велико стало между нами расстояние. Нет, не в пространстве, а во времени. Письмо из Москвы в Хабаровск, насколько я понимаю, идет не более десяти дней. Но преодолеть те годы, которые разделяют нас, которые накопились между «нами – теперь» и «нами – тогда», когда вместе ходили в школу, когда каждый день виделись, когда, как нам казалось, жить не могли друг без друга...

Нет, опять вру. Не во времени дело. А в том, наверное, что за последние десять лет мне не о чем было сообщить тебе.

И только сейчас появилось. И вот хочу рассказать:

Сегодня утром шел снег. Станный какой-то: как бы замедленный. Сверху на меня опускались маленькие белые крупинки, тысячи их; на глаз они казались сухими, а прикосновение было влажным. Они так плавно и обособленно падали, что можно было выбрать в вышине отдельную снежинку и проводить ее взглядом до земли; можно было поймать в кулак; можно было, рассчитав, где она упадет, встать на то место, поднять голову – и она влажно умирала на моем лице.

И тут я вспомнил о тебе. И вдруг подумал, что ты единственный человек, которому мне хочется и которому я *могу* рассказать об этом.

Вот и все. Твой «двадцать-лет-назад-друг» Иван.

P. S. Если адрес твой не переменялся и ты получишь это письмо, не пугайся: я не сумасшедший. Я потом постараюсь объяснить, если сам пойму и вновь родится желание написать тебе.

2

4 января

Здравствуй, любимая моя мамулечка!

Как ты там? Как чувствуешь себя в Новом году? Получила ли нашу поздравительную открытку? Как, кстати, твои ноги? Помнишь, ты писала мне, что Зина К. обещала показать тебя какой-то вашей местной знаменитости. Обязательно напиши мне поподробнее.

Теперь о нас. Мамуленька, я сначала вообще не хотела тебе писать об этом. Но теперь, когда, слава Богу, все позади, когда кончился этот жуткий обезьяний год! Только умоляю тебя – не волнуйся! Повторяю – все теперь в порядке. Все – живы и здоровы, и это – главное! А теперь рассказываю все, как было.

21 декабря Ваня попал в автомобильную катастрофу. Вечером он возвращался на такси от Кости Комплектова (помнишь? они с женой уже четвертый год живут в Австрии, а сейчас Костя по делам приехал в Москву), и в них врезался пьяный на самосвале. То есть лоб в лоб. Таксиста – в лепешку! Но Ваня (он сидел рядом с водителем на переднем сиденье) каким-то чудом остался цел и невредим. Его выкинуло через дверь в сугроб. Бывает же такое

везенье! Только разодрал щеку и ушиб коленку. (А водителя, говорят, по частям вынимали из машины!)

Но ты представляешь мое состояние?! Когда среди ночи мне вдруг позвонили из больницы и сообщили, что мой муж попал в аварию! Я чуть с ума не сошла! Ужас что пережила и сколько всего передумала, пока добиралась до больницы!

Но все-таки есть на свете Бог! И он – Добрый! Он спас Ваню, спас меня, наших девочек! Что бы мы все делали, если бы... Нет, даже подумать жутко!!!

Правда, неделю Ваню продержали в больнице – врачи подозревали, что у него сотрясение мозга. Действительно, когда я его увидела, вид у него был дикий – лицо белое как полотно и отсутствующий взгляд. В первый момент он меня даже не узнал – посмотрел на меня как на чужую. Еще бы! После такого шока! Он, оказывается, несколько часов был без сознания!

Но теперь уже все позади. Как кошмарный сон! Ваню уже выписали. Врачи считают, что если у него и было сотрясение, то очень небольшое. Главное – кончился этот жуткий год!

Боже мой! Теперь-то наконец я поняла, что такое счастье! И как я только смела раньше жаловаться на свою судьбу, ныть по каким-то пустякам, расстраиваться из-за мелочей. Теперь я чуть ли не каждую минуту повторяю про себя: «Господи! Спасибо тебе за все! Я так тебе благодарна! И я счастлива. Счастлива! Счастлива!!!»

Мамуленька! Честное слово, до этого я даже не подозревала, что так сильно люблю своего мужа!

Ваня шлет тебе горячий привет, а я кончаю, потому что иду кормить ужином моего любимого мужа.

Целую,
твоя Светланка,
самая счастливая женщина на свете!!!

3

19 января

Милый Володя.

От своего дома до станции метро я добираюсь пешком. В течение нескольких лет два раза в день я проходил по одной и той же улице, туда и обратно. Казалось бы, улица эта должна быть мне знакома до последней выбоины в тротуаре. Но вчера вдруг впервые замечаю на одном из перекрестков газетный киоск. Заинтересовавшись, подхожу и говорю киоскеру: «Можно поздравить вас с новосельем?» А он улыбается мне: «Я в этом киоске, между прочим, уже три года работаю».

Купил я газету, отошел от киоска, огляделся по сторонам, и вдруг – поверишь ли? – показалось мне, будто я впервые на этой улице. То есть все на ней мне вроде бы знакомо, но один из домов точно стал выше, а на крыше его появилась странного вида конструкция, напоминающая купол обсерватории. Никогда до этого я не замечал этого купола, равно как и орнамента из разноцветных кирпичей на доме напротив.

Меня теперь все чаще навещает странное ощущение: будто я заново родился – в том же мире, в котором жил до этого, но более цельном и полном, что ли. Словно во мне, как в фотоаппарате, кто-то подправил фокус, и вот прежде размытое стало каким-то неожиданно явственным. И эдак каждый день понемножечку подправляют во мне, и я вижу все дальше, все глубже и резче.

Крупинки снега, помнишь?

Вчера меня навестил мой лучший друг Константин, и я рискнул рассказать ему о том самом, как бы замедленном, сентиментальном, снеге. Показалось мне, что снег этот – именно то, что я должен подарить своему другу на прощание.

Костя слушал меня рассеянно, с неловкой улыбочкой, то и дело переглядываясь с моей женой. А когда я кончил, вздохнул с облегчением. «Снег – это прекрасно, старичок, – сказал он. – Между прочим, у нас в Австрии в этом году очень мало снега. А Кирка моя, ты же знаешь, – заядлая горнолыжница».

Между прочим, мой друг уже четвертый год работает в Австрии в каком-то международном институте. И опять-таки между прочим он сообщил мне, что каждый «уик-энд» они с женой Кирой ездят на машине из Вены в Тироле кататься на горных лыжах. И там, в Тироле, между прочим, никаких очередей перед подъемниками. Хотя дорого, разумеется, но они, между прочим, никогда не экономят на своих удовольствиях, и так далее и тому подобное.

Между прочим, он пробыл у меня недолго и, рассказав о Тироле, об отелях, подъемниках и экипировке горнолыжников, почти сразу ушел.

А во мне словно опять подправили фокус, и я вдруг увидел, что мой друг Константин и прочие мои многочисленные приятели, все они и впрямь – «между прочим».

То есть, когда я *не жил*, они мне были желанны и необходимы. Мы как бы *не жили* вместе: сладко пили, вкусно ели, говорили каждый о своем и о себе, но радостно и со вкусом. Мы и прежде были чужими друг другу, но в нашей отчужденности было нечто общее, связывающее нас – слепота и глухота наши, наверно. И вот мы словно цеплялись друг за дружку, скучивались в стаю, вместе праздновали наши дни рождения и встречали старый Новый год.

Но теперь мне стало невозможно с ними. Их общество тяготит меня, а я, должно быть, кажусь им чужим и странным.

И все-таки есть нечто грустное в том, что с нетерпением ждешь их ухода, и в том, как неловко за торопливый свой уход они оправдываются. Твой друг Иван.

P. S. Прости, Володя, что не задаю тебе обычных вопросов о делах и самочувствии. Если захочешь, сам обо всем мне напишешь. Если, разумеется, адрес у тебя за десять лет не переменялся и ты получаешь мои письма.

4

19 января

Мулик мой драгоценный, здравствуй! Ну зачем так волноваться?! Ведь я же написала тебе, что теперь у нас все в порядке! Ваня чувствует себя прекрасно, ссадина у него на лице зажила, коленка уже не болит. О катастрофе он даже не вспоминает. Ему сейчас не до этого – он очень много работает, пишет свою докторскую. В апреле защищается его начальник, в ноябре – завсектором, а на январь будущего года планируется Ванина защита. Конечно, впереди еще целый год, но ведь это *докторская*, мамочка! Сейчас для докторов придумали столько много новых требований – застрелиться можно!

Не знаю, правда, можно ли ему так много работать. Но лично я считаю – в таких случаях даже чудесно, что человек занят приятным для него делом и не рвется в прошлое.

Тем более из-за того, что он так много работает, Ваня в последнее время полностью изменил образ жизни. Он, например, бросил курить и не берет в рот ни грамма спиртного. Все его друзья в полном недоумении. Даже возмущаются: «Раньше был человек как человек. Можно было поговорить с ним по душам, обсудить животрепещущие проблемы. А теперь сидит как сыч, ничего не пьет, и у нас водка в горле застревает».

А я, честное слово, рада. Нет, я совершенно не хочу сказать, что Ваня у меня был пьяницей. Но, ей-богу, слишком часто у нас раньше собирался разный народ – прямо не дом был, а

какой-то караван-сарай. Нагрянут без предупреждения со своими «животрепещущими проблемами», принесут батарею бутылок. А я их, сама понимаешь, обхаживай, закуски им подавай, сиди с ними до утра. Люди всё, правда, приличные, интеллигентные. Но сколько же можно, в конце концов – одни и те же тосты, одни и те же анекдоты. И каждый дудит в свою дуду, никого не слушая.

А сейчас, когда Ваня перестал выпивать, такая тишина в квартире наступила! Теперь только звонят по телефону и выпытывают у меня: «Ну как твой муж? Не бросил еще дурью маяться?»

Вчера, например, зашел к нам Костя Комплектов (помнишь? тот, который с женой в Австрии живет – сегодня он опять туда уехал). Так и он пробыл у нас совсем недолго. Как узнал, что Ваня ничего не пьет, растерялся, загрустил, рассказал немного об Австрии и ушел.

Зато Ваня теперь по вечерам обязательно гуляет – обдумывает свою диссертацию на свежем воздухе. Раньше у него было только два занятия – либо до часу ночи строчил на машинке, либо кутил с друзьями. А теперь вовсю следит за своим здоровьем. Даже спать стал отдельно – в своем кабинете. Говорит, так ему удобнее и так он лучше высыпается. Пусть делает как считает нужным. Я так теперь люблю теперешнего своего Ванечку, что, кажется, на все для него готова. Разве может женщина желать себе лучшего мужа?!

Вот такие у нас дела. А в остальном – без изменений. Машеньку в школе по-прежнему ругают за рассеянность и «некоммуникабельность», а Варька по-прежнему не столько ходит в детский сад, сколько болеет и сидит дома. Не волнуйся, ничего серьезного – одни ОРЗ. Может быть, устроить ее на пятидневку? Говорят, что на пятидневке дети болеют реже.

Мамочка, как же тебе не стыдно? Почему ты ничего не напишешь о себе? Как твои ноги? Что тебе сказал доктор? Была ли ты у него? А может быть, тебе все-таки стоит приехать к нам и мы с Ваней покажем тебя какому-нибудь хорошему специалисту? Все-таки Москва есть Москва.

Целую тебя крепко-крепко и иду спать. Твоя Светочка.

5

25 января

Милый Володя.

Теперь, когда я все для себя окончательно уяснил, и об этом хочу рассказать.

Я уже, помнится, писал тебе, что как бы заново родился на свет. И первым человеком, которого я увидел, придя в сознание – кроме незнакомых людей в белых халатах, которые приняли мои роды, уложили меня на носилки и отвезли в палату, – была моя жена. Она подбежала к койке, на которой я лежал, принялась обнимать меня, плакать, смеяться. Вернее, то, что это моя жена, я вспомнил лишь спустя некоторое время, а в первый момент был весьма растерян, так как решительно не понимал, что надо от меня этой интересной, совершенно незнакомой мне женщине, почему она меня обнимает, над чем плачет и как ей не совестно так шумно вести себя, когда вокруг спят другие люди. Клянусь тебе, я действительно не узнал ее.

Видишь ли, это как с газетным киоском. С той лишь разницей – и разница эта для меня с каждым днем все мучительнее, – что киоск *впервые* возник передо мной, не имея следов в моей памяти, а женщина эта, по мере того как я к ней присматривался, пробуждала во мне воспоминания, сначала смутные, но постепенно все более отчетливые, знакомые и дорогие сердцу, в то время как сама она по-прежнему оставалась для меня чужой и какой-то досадной, что ли.

То есть я теперь прекрасно понимаю, что передо мной моя жена, что я любил ее многие годы; я узнаю ее движения, ее манеру говорить и вести себя настолько, что заранее могу

предсказать, как она поступит в следующую минуту: улыбнется ли, нахмурится ли, и как улыбнется, и как нахмурится, – я все это узнаю, но *ничего к ней не чувствую*.

Нет, чувствую! Я словно предугадываю и сам переживаю ту боль и то горе, которое я неминуемо должен причинить этой любящей и беззащитной женщине. Мне стыдно и больно смотреть ей в глаза, мне горько за нее и страшно. Но...

Есть такая притча у древних китайцев. Двое мужчин заболели и пришли к врачу. Тот осмотрел их и сказал: «У одного из вас сильная воля, но слабое сердце, а у другого – наоборот. Если переставить ваши сердца, то, к счастью для обоих, восстановится равновесие». Так он и сделал. Одурманил своих пациентов вином, разрезал у каждого грудь, вытащил сердца и переменил их местами. Придя в сознание, оба почувствовали себя вполне здоровыми. Но, вернувшись домой, не признали своих жен и прогнали их.

Бедные женщины! Почему они всегда страдают, когда мы восстанавливаем свое равновесие?

Будь здоров. Твой Иван.

P. S. Ты, кстати, знаком ли со Светланой, моей женой? Кажется, вы виделись в тот единственный раз, когда ты приезжал в Москву.

Впрочем, какое это сейчас имеет значение?

6

5 февраля

Здравствуй, дорогая мамочка!

Получила твое письмо. Очень ты меня им огорчила. Нет, не своей болезнью, а своим отношением к ней. Доктор этот тоже – хорош гусь! Во-первых, кто говорит такие вещи больным?! А во-вторых, врет он все! О каком таком «престарелом возрасте» может идти речь, когда тебе еще 65 нет?! И потом, не знаю, как в вашем захолустье, но во всем мире сейчас медицина так далеко ушла вперед, что лечат теперь значительно более сложные болезни, чем твой тромбофлебит. В общем так – приезжай к нам в Москву, и будем срочно лечить твои ноги! Пока Иван еще окончательно не растерял свои знакомства.

У нас все в порядке. Ваня чувствует себя нормально. Работать стал меньше, но зато много времени уделяет детям. Подолгу гуляет с ними, читает им книги, укладывает спать. Машеньку записал в секцию юных фигуристов, а Варьку вчера водил в кукольный театр.

Раньше мне казалось, что он вообще не замечает детей. Вернется с работы, потреплет детишек по головкам и уйдет к себе в комнату. И вдруг такие сильные отцовские чувства и такое внимание. Даже странно как-то!

Да, сейчас устраиваюсь на работу. Иван настоял. Говорит, что современная женщина должна жить полноценной общественной жизнью, а не деградировать в домашнее животное. Нашел мне приличное место с интересной работой, неплохим окладом и тремя присутственными днями. Вроде я там понравилась, и меня берут, но пока не скажу – куда, чтобы не сглазить.

Вот такие у нас дела.

Мама, ждем тебя *в самое ближайшее время*, чтобы всерьез заняться твоими ногами. Света.

7

8 февраля

Милый Володя.

Не знаю, есть ли у тебя дети. У меня детей не было. То есть в моей квартире жили две девочки: Мария и Варвара, которых я считал своими дочерьми. Когда они плакали, я гладил их по головкам или совал им соски; когда озорничали, я наказывал их или заставлял себя не обращать внимания на шум, ими производимый; когда они хотели есть, я кормил их, если рядом не было их матери. Все эти операции я производил настолько автоматически, что, работая у себя в кабинете и услышав шум за дверью, мог прерваться на середине мысли, выйти из кабинета, сунуть соску, дать шлепок или отрезать хлебную горбушку, не потеряв нити рассуждения, и, вернувшись к столу, без труда продолжить прерванное.

Или, скажем, мне нравилось гладить Варины пеленки и подгузники. Но, как я теперь понимаю, гладил я их для собственного развлечения, а не для нее, моей дочери. Поэтому, когда случалось Варе, в то время как я гладил, разрыдаться, описавшись или потеряв соску, я с досадой оставлял утюг и с раздражением подходил к девочке, а то и вовсе не обращал внимания на ее плач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.